

начиная с 1770-х годов, утверждается близкий жанр — «готического фрагмента», занимающего несколько страниц и иногда преследующего единственную цель — создать атмосферу таинственного и ужасного.²⁰ Задание такого рода не чуждо и фрагментам Карамзина, в частности «Лиодору»,²¹ но создание «атмосферы» у него никогда не бывает самоцелью. «Отрывки» Карамзина — всегда «элегические» отрывки: в них непременно присутствует образ повествователя, погружающего сюжетные элементы произведения в лирическую стихию и намеренно предлагающего читателю не столько самые события, сколько их субъективное освещение. Создается необычайно емкий и многоплановый сказ, из которого вырастает образ самого рассказчика, в «Острове Борнгольме» очень приближенного к автору «Писем русского путешественника» (в отличие, например, от «Сьерры-Морены»). Это носитель черт своего времени и культурной среды, этических норм и мироощущения человека 1790-х годов. Рассказ его богат эмоциональными оттенками — от напряженного лиризма до почти протокольной информации. Этот «сентиментальный путешественник» шире своего лирического «я»; он меняет субъективные планы повествования, даже в иных случаях подчеркивая его лирическую нарочитость, чтобы сделать тем достовернее его реальную основу: «... томное сердце, орошаемое пеною бурных волн, едва билось в груди моей». И тут же — в примечании: «... в самом деле, пена волн часто орошала меня, лежащего почти без памяти на палубе» (I, 664). Атмосферу действия в какой-то степени создает он сам, привнося в нее нечто от своего душевного состояния, и ему же принадлежит право оценки увиденного. Жесткая конструкция суггестивного «готического» рассказа оказывается размытой и растворенной в побочных описаниях, отступлениях и медитациях рассказчика; и в них же оказывается заключенной некая этическая и философская позиция, наложившая свой отпечаток на самый стиль повести Карамзина.

В пейзажные описания «Острова Борнгольма» органически входит излюбленная готиками тема «мрачной природы». От «величественных и страшных» картин неизмеримого океана и диких скал Борнгольма мысль автора-рассказчика постоянно подни-

²⁰ Robert D. Mayo. The Gothic short story in the magazines. MLR, v. XXXVII, N 4, 1942, pp. 448—454.

²¹ P. B r a n g. Studien zur Theorie und Praxis der russischen Erzählung, S. 199.